

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

П.А. АМБАРОВА

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ: ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Аннотация. В статье представлены концептуальные основы изучения динамики социального времени. Цель исследования — обоснование идеи темпоральных форм, способов и механизмов взаимодействия общества и культуры. В задачи исследования входило: рассмотрение эволюции социологических представлений о динамике социального времени — с классического до современного этапа истории социологии; раскрытие понятия динамики социального времени, а также определение его динамических свойств.

Основной гипотезой выступает понимание социального времени как механизма, связывающего общество и культуру, а динамики социального времени — как его свойства, определяющего характер и особенности этой связи. Исходным было предположение о кардинальном изменении динамических свойств времени, свидетельствующем о серьезных расхождениях социального времени общества и социального времени культуры в современном мире.

Методологическая основа исследования — принципы историко-социологического и темпорального подходов, позволяющие рассмотреть сущность темпоральной взаимосвязи и темпоральных противоречий

Амбарова Полина Анатольевна — кандидат социологических наук, доцент Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. **Адрес:** 620026, Екатеринбург, ул. Луначарского, д. 210/а, кв. 29. **Телефон:** 8 (904) 381-29-35. **Электронная почта:** borges75@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 14-03-00072 «Нелинейная динамика социального времени в зеркале темпоральных стратегий поведения городских социальных общностей».

между обществом и культурой, внутренние закономерности развития социального времени и изменения его свойств.

На основе историко-социологического анализа обосновывается необходимость введения в научный оборот понятия «динамика социального времени» и раскрывается его содержание. В статье охарактеризованы динамические свойства времени — текучесть, мобильность, напряженность, отличающие современное восприятие и понимание темпоральной реальности. Показаны многообразие объяснительных схем, соответствующее сложной природе социального времени, культуры и общества, а также продуктивность многомерного и мультипарадигмального анализа данной проблемы.

Новизна представленного исследования заключается в изучении темпоральной взаимосвязи общества и культуры, определении динамики социального времени как сквозной для истории социологической мысли проблемы, а также возможности ее исследования как с объективистских, так и субъективистских позиций.

Ключевые слова: время общества, время культуры, динамика социального времени, эволюция социологических представлений о динамике социального времени; мобильность, текучесть, напряженность социального времени.

Социальное время как механизм взаимосвязи общества и культуры

Понимание социального времени в социологии и в междисциплинарном пространстве социогуманитарных наук сегодня отличается разнообразием подходов. Сохраняет актуальность традиционное понимание — как формы и способа развития и изменения социальной реальности. Социальное время также рассматривается в качестве особой внутренней характеристики различных социальных и культурных систем. Наряду с объективистскими концепциями существует иной подход, согласно которому оно выступает результатом социального конструирования, феноменом, свойства которого определяются сознанием социального субъекта.

Многообразие объяснительных схем соответствует сложной природе социального времени и создает новые перспективы его социологического изучения. Многомерный анализ социального времени важен не столько сам по себе, сколько в связи с возможностью объяснения *темпоральных форм взаимодействия общества и культуры*. Наша позиция состоит в том, что время, культуру и общество нельзя разрывать. Между тем традиционно [7; 10; 13; 17; 23] разработка проблем культуры и общества прежде всего связывалась с определением их границ и точек пересечения. Во вторую очередь рассматривались механизмы их взаимодействия и взаимовлияния. И практически не попадали в зону исследовательских интересов темпоральные

аспекты этого взаимодействия. Вместе с тем проблемы общества и культуры невозможно раскрыть в полной мере, не учитывая фактор времени. Отсюда следует, что с позиций социологического подхода и социальное время нельзя рассматривать абстрактно, без его основных носителей, в качестве которых выступают предельно широкие социальные образования — общество и культура. Этот важный методологический принцип позволяет наполнить анализ социального времени и его динамики конкретным социальным содержанием и смыслами.

Еще один методологический принцип исследования динамики социального времени касается его связи с пространством, которая получила научное обоснование прежде всего в физических теориях (достаточно назвать специальную теорию пространственно-временного континуума А. Эйнштейна), а затем в философских и социологических концепциях, сформировавшихся до конца XX в. На рубеже веков складывается новое понимание времени, которое «отрывает» его от пространства. Речь идет об идее мгновенности времени (З. Бауман, Дж. Урри) — особом его качестве или проявлении, когда временные отрезки сжимаются настолько, что ни осмыслить их в пространственных категориях, ни изобразить пространственно-графически становится невозможно, а самое главное — и не нужно [3; 20].

Появление «мгновенного времени» связывается с новой социальной реальностью, появившейся благодаря развитию высоких технологий. Это мир высоких скоростей, мир постоянных изменений, часто игнорирующих пространственный фактор (границы стран, географическую удаленность, большие расстояния). При этом «старая реальность» никуда не исчезает, она «соседствует» с новой и постепенно уступает ей свои позиции, поскольку пространственно-временная ограниченность делает ее «неконкурентоспособной».

В этих условиях меняется характер связи между пространством и временем, между ними и их носителями — обществом и культурой. Темпоральные аспекты функционирования общества и культуры теперь можно рассматривать относительно независимо от пространственного фактора, хотя это не исключает взаимосвязи и взаимовлияния времени и пространства. Пространство, уступая ведущую роль времени и меняясь под его воздействием, приобретает новые свойства и формы. Например, виртуальное пространство появляется не просто как аналог реального пространства, но прежде всего как форма реализации новых темпоральных интересов и потребностей общества. Это стремление к экономии времени, его сжатию, к быстрым переходам от одного вида деятельности к другому, от одной пространственной зоны к другой при отсутствии физического перемещения индивидов и социальных групп.

Исходя из этого, мы специально подчеркиваем особую роль темпоральных характеристик, форм, свойств, механизмов в анализе общества и культуры. Именно с таких позиций мы подходим к исследованию динамики социального времени как определяющего фактора взаимодействия общества и культуры, их функционирования и развития.

Изучение эволюции социологических взглядов на социальное время показывает, что оно не только создает внешние границы движения социальной материи, но и представляет собой способ «скрепления» общества и культуры «изнутри». Уже в рамках первого, классического, этапа развития социологии были заложены основы понимания «триумвирата»: время – культура – общество. В работах О. Конта, Э. Дюркгейма, особенно — П. Сорокина содержится указание на то, что *социальное и культурное взаимосвязаны* не только в структурном отношении, но и *динамически*. Именно такое понимание социального времени было в работах некоторых отечественных исследователей — Н.Н. Трубникова и Л.Н. Когана [13; 19] — еще в 1980-х гг. Отталкиваясь от их понимания времени как формы внутренней связи событий, мы будем трактовать социальное время как способ внутренней *динамической* связи двух систем — общества и культуры. Следовательно, тезис, что проблема социального времени имеет сквозной характер как для социологической теории, так и для социальной практики, приобретает реальные доказательства: социальное время действует не только как сфера-«оболочка» социального развития, но и как механизм его внутреннего структурирования и источник динамики.

Вопрос о социальном времени как механизме, связывающем отдельные элементы, подсистемы, уровни общества и культуры, подводит к необходимости прояснить соотношение общества и культуры. Культуру мы рассматриваем как системообразующую подсистему общества. Имея собственные границы и будучи относительно автономной, она проникает во все другие сферы общественной жизни, в которых функционирует в виде норм, ценностных образцов, традиций. Общество и культуру можно разделить лишь условно, понимая, что в реальности они неразрывно связаны. Мы можем говорить о существовании *времени культуры* и *времени общества*, при этом определяем культуру в качестве основного носителя времени.

Разделение времени общества и времени культуры вполне обосновано, тем более что каждое из них внутренне дифференцировано и сложно структурировано. Так, время общества образуют темпоральные структуры различных социальных общностей и институтов. Реальное общество существует только «здесь и сейчас». Прошлое общество мы можем вспоминать, будущее общество — воображать, и то и другое — конструировать. Однако в любом случае прошлое

(несмотря на присутствие в настоящем артефактов) и будущее общество остается лишь фактом нашего сознания. Реальное общество существует только в настоящем времени. Культура, в отличие от общества, функционирует в более широком временном диапазоне. Например, советского общества уже нет, а элементы его культуры, как материальные, так и духовные, продолжают жить в современном обществе и оказывать на него определенное влияние. В этом случае культура своими временными рамками как бы выходит за временные границы общества, хотя в определенных точках взаимодействия пересекается с ним. Так, актуальному обществу соответствует актуальная культура, представляющая собой, по мнению Л.Н. Когана, прежде всего временное явление [13].

Актуальная культура — своеобразное «сито», производящее селекцию ценностей, норм и других элементов культуры во времени: одни элементы «воскрешаются», другие подлежат забвению, третьи создаются в ответ на текущие потребности. Актуальная культура подобна «машине времени» с особым механизмом: она не переносит в будущее или прошлое, она «перетаскивает» их элементы в настоящее и приводит в соответствие с актуальными потребностями современного общества.

Таким образом, повторим, характеризуя время как социальный феномен, мы прежде всего имеем в виду социальное время культуры и социальное время общества, а также их структурную и динамическую взаимосвязь. Говоря о разных временных горизонтах культуры и общества и об их взаимопроникновении, мы выходим на проблему временных связей и отношений между ними.

Культура, на наш взгляд, имеет темпоральный характер в большей степени, чем общество. Последнее существует и воспроизводит себя благодаря культурному наследованию, его темпоральным механизмам сохранения социальных связей, структур, образцов. История, к примеру, отражает темпоральный характер именно общества, поскольку не все в ней определяется измерением культуры. Направление, конфигурация, масштабы социальных изменений обусловлены временными ориентациями культуры. Темпоральное существование общества и его изменение возможно только через культуру, поскольку она содержит в себе наследие его прошлого, отражает и регулирует настоящее и формирует представления о будущем. Представления о времени вписаны в культурную картину мира и бытуют в форме религиозного, мифологического, обыденного или научного знания.

Сложные функциональные связи между культурой и обществом устанавливаются во времени и посредством времени. Культура создает временные регуляторы и условия социальной жизни, действие которых разворачивается как на микро-, так и на макроуровне. На

микроуровне — это биографическое время человека, время его повседневной деятельности, рабочее и нерабочее, учебное и неучебное, включая свободное время. Их конструирование, использование, отношение к тому или иному виду или структуре социального времени определены культурой его субъекта. На макроуровне разворачивается время общественно-экономических формаций, цивилизаций, историческое время, имеющее свои особенности и закономерности. Культурная картина мира на этом уровне включает в себя представления о моменте возникновения, скорости развития данных социальных образований, модели их изменений во времени.

Мы полагаем, что использование понятия *динамики социального времени* необходимо для раскрытия сущности темпоральных механизмов взаимодействия общества и культуры, особенностей их функционирования в современных условиях. В связи с этим возникает два теоретических вопроса: что такое динамика социального времени с точки зрения социологической теории? каковы особенности динамики времени культуры и динамики времени общества и их соотношение? Для ответа на поставленные вопросы требуется специальный анализ, часть которого — рассмотрение эволюции социологических представлений о динамике социального времени.

Представления о динамике социального времени в классической социологии: от О. Конта до П. Сорокина

Зарождение и развитие представлений о социальном времени и его динамике относятся к эпохе античности. В философии Нового времени понятие динамики социального времени уходит на второй план, поскольку под влиянием идей Ньютона особое значение приобретают другие характеристики времени — его абсолютный характер и размерность. Научный статус это понятие получает в истории и историософии.

Несмотря на ограниченное и довольно позднее введение термина «динамика социального времени» в социологию, сама проблема обозначилась на первых этапах становления этой науки и стала своеобразным «магнитом», создающим ее специфическое проблемное поле.

В рамках классического этапа развития социологической мысли интерес к проблеме социального времени и его динамики формировался вокруг идеи социального прогресса. В учении О. Конта социальное время изначально предстает в его динамической форме — как стадийное развитие общественного сознания от теологического к метафизическому и затем к позитивному состоянию, рациональному мировидению и морали. Поскольку носителем социального времени у Конта выступает интеллект, динамика социального времени представляет собой «умственный прогресс», осуществляющийся на уровне индивидуального и родового сознания [14, с. 231–232]. Это

позатупное движение обеспечивается связью (солидарностью) различных поколений людей.

Определяя в качестве носителя социального времени общество, К. Маркс сохраняет то же, что и у Конта, понимание стадильности и линейности социального времени. Переход от первобытнообщинной к рабовладельческой, затем феодальной, капиталистической и коммунистической формациям лежит в основе особого сценария развития социального времени. Оно, в представлении К. Маркса, течет необратимо, жестко подчиняясь историческим закономерностям, имеющим силу необходимости и неизбежности. Выделяемые им стадии — формации создают своеобразный ритм, наполненный особым драматизмом и напряжением из-за социальных конфликтов и революционного способа их разрешения. Источником динамики социального времени у Маркса выступают противоречия между непрерывно развивающимися производительными силами и более статичными производственными отношениями и их отражением в классовой борьбе.

Динамика социального времени в работах К. Маркса может быть описана понятием «напряжение времени», создаваемым двумя переменными: скоростью экономических процессов и остротой противоречий в социальных отношениях. Во-первых, эти элементы социальной системы сами по себе обладают различной динамикой, которая служит источником конфликта. Во-вторых, противоречия имеют определенную скорость вызревания и разрешения. В-третьих, на динамику социального времени влияют способы разрешения социальных противоречий. Например, революционный способ разрешения классовых конфликтов усиливает динамику, делает социальные изменения ярко выраженными, контрастными и более напряженными. Маркс первым показал возможность не эволюционного, а скачкообразного способа развития общества, то есть новый тип динамики социального времени.

В работах Э. Дюркгейма историческая динамика социального времени связана с таким важным фактором социального развития, как ускорение и интенсификация различных процессов, в том числе материального и нравственного прогресса. Выступая элементами динамики социального времени, они, по мнению французского социолога, нарушают в обществе равновесие и заставляют человека изменяться, приспособляясь к новым условиям существования [8, с. 247–248]. Способствует постоянным изменениям и появление в цивилизованном обществе новых средств передвижения и передачи информации. Благодаря им увеличивается плотность общества, выступающая источником прогресса.

Особый вклад в развитие социологических представлений о социальном времени и его динамике внесла книга П. Сорокина «Социальная и культурная динамика» [17] и его статья «Социальное время: опыт методологического и функционального анализа», написанная совместно с Р. Мертоном [18]. В качестве альтернативы линейному видению социокультурной динамики П. Сорокин предлагает теорию социокультурных флуктуаций, подразумевая под ними процессы, время от времени повторяющиеся в истории, типы, стадии и состояния развития общества и культуры. Эти стадии получили название чувственная, идеациональная и идеалистическая.

Важные характеристики динамики времени — степень уникальности и повторяемости событий и процессов. С понятиями уникальности и повторяемости у Сорокина связана трактовка линейной, нелинейной и циклической динамики [17, с. 108]. В его работах также описываются вариантно или творчески повторяющиеся процессы, которые могут объединять траектории всех перечисленных выше типов динамики, и тем самым создавать еще один, новый, ее тип — «самый широкий и самый богатый из всех» [17, с. 109].

Динамика социального времени у П. Сорокина проявляется не только на макроуровне — при смене типа культуры, но прежде всего на микроуровне — в небольших по масштабам, но повторяющихся явлениях и процессах. Она обладает неким ритмом, который определяется понятиями темпа, «тактов», пульсации, «поворотов». Ритмическая природа времени позволяет структурировать его. При этом источником ритма выступают как количественные, так и качественные изменения. Количественные изменения означают, по Сорокину, «поворот» в процессе и разбиение его на разрозненные части. Качественные изменения служат критерием выделения во времени фаз, этапов, стадий [17, с. 106]. Ритм социального времени характеризуется глубиной, величиной и резкостью прерывания социокультурного процесса.

Таким образом, развитие социологических представлений о динамике социального времени в рамках классического этапа шло по пути усложнения и перехода от исключительно линейно-прогрессистского видения к многомерной и многоаспектной модели, включающей разновекторные процессы и явления как макро-, так и микромира. Несмотря на то, что динамические свойства времени довольно рано оказались в поле зрения социологов, они не составили отдельного предмета научного осмысления. Интерес к проблеме социального времени в его динамическом аспекте прослеживался в анализе социальной динамики, социальной эволюции и прогресса. Однако самостоятельное звучание данная проблема получила на современном этапе развития социологии, когда время из динамической характеристики социальных объектов (в том числе пространства)

превратилось в особый феномен, со своими собственными динамическими свойствами и проявлениями.

Представления о динамике социального времени в современной социологии

Теоретические исследования динамики социального времени актуализировались в конце XX столетия. Наиболее интересными оказались работы И. Валлерстайна, Э. Гидденса, З. Баумана, Дж. Урри. В них прослеживается ориентация на множественность и нелинейность социального времени, имеет место также исследование совершенно новых его динамических свойств.

И. Валлерстайн, опираясь на синергетическую методологию и теорию «больших циклов» Н.Д. Кондратьева, рассматривает проблемы социальной статики и динамики времени в масштабах мир-системы. Социальные процессы имеют циклический ритм, состоящий, как правило, из двух фаз — периода нестабильности и периода равновесного состояния [4, с. 51]. Социальное изменение, полагает Валлерстайн, наблюдается только в том случае, если на смену одному типу исторической системы приходит другой. Это означает, что в развитии системы наступает такой момент, когда неизбежной становится третья фаза — гибель системы. В точке бифуркации колебания приобретают непредсказуемый характер, что лишает будущее предопределенности. И. Валлерстайн расценивает этот момент как источник надежд [4, с. 223].

Необходимо заметить, что западноевропейский вариант идеи прогресса И. Валлерстайн подвергает серьезной критике, прежде всего из-за связи ее с евроцентризмом [4, с. 238–239]. Навязывание европейской модели развития общества и ее воплощение в колониальной политике, по его мнению, привело к дискредитации идеи прогресса. Исследователь обращается к временному измерению цивилизаций и видит главные различия между ними в «плотности времени» [4, с. 311]. Не в экономике, не в особенностях производства или в уровне социально-экономического развития, а в отношении к времени, в способах его использования ученому видится вызов современности. Отмечая, что в истории социологии сформировались представления о четырех типах времени — «времени событий», «вечном времени», «структурном времени» и «циклическом времени», Валлерстайн отдает предпочтение последнему. Циклическое видение темпорального развития исторической системы представляется ему наиболее верным и ценностно оправданным.

Динамика социального времени в социологии Э. Гидденса (преимущественно в теории структуризации) представлена анализом его ритма, описываемого двумя понятиями — *рекурсивность* и *серийность*.

Рекурсивный, или возвратный, характер социальной жизни служит основой воспроизводства общественных институтов. Рекурсивность как определенный ритм социального времени создает каркас социальной жизни и, соответственно, условия устойчивости, стабильности, фиксированности повседневной жизни [6, с. 19].

Если рекурсивность характеризует институциональное время, то повседневные взаимодействия, по Гидденсу, могут быть описаны с помощью понятия сериальности. Взаимодействия представляют собой «непрерывный поток деятельности, нарушаемый исключительно (но регулярно) относительным бездействием во время сна» [6, с. 128]. В эмпирической действительности сериальность проявляется как очередность взаимодействия (например, в диалоге разговаривающие высказываются по очереди, дожидаясь окончания речи партнера). Гидденс отмечает, что временной ритм взаимодействия может быть неровным, поскольку оно несимметрично, отдельные его эпизоды могут прерываться паузами, имеют ускоренный или замедленный темп.

Ритм социального времени образуется благодаря *зонированию* социальных практик, то есть их позиционированию в неких «регионах» пространственно-временной траектории [6, с. 141–142]. Повседневные перемещения человека между различными «зонами» имеют определенный ритм («пульсацию»), который задается структурой времени: делением его на дневное и ночное, увеличением первого благодаря изобретению искусственного освещения, продолжительностью занятий той или иной деятельностью. Кроме того, Гидденс говорит о возвратном характере движения между зонами, что означает повторяемость повседневных пространственно-временных передвижений человека.

Если в работах Э. Гидденса время «привязано» к социальному пространству, то в концепции З. Баумана оно «отрывается» от него благодаря техническому прогрессу и становится активным, независимым фактором. Социальное время перестает быть особенностью пространства, превращаясь в атрибут передвижения [3, с. 121–122]. По З. Бауману, для времени «текучей современности» характерна не длительность и протяженность, а мгновенность. Время может сжиматься до (или почти до) мгновения, и теперь изобразить движение времени, которое представлено не «стрелой» или «кругом», а «отдельными точками без измерения», практически невозможно.

В работах Баумана время семантически связывается с нападением, соревновательностью, доминированием, манипулированием, властью. Динамика времени, таким образом, повышает вес ценностей конкуренции, успеха, который обеспечивается быстротой деятельности и реагирования. В реальности «мгновенное время» продуцирует не только новые стандарты, но и страх неуспешности, упущенных шансов,

стремление «бежать в ногу со временем», даже если это превышает человеческие психофизиологические, культурные и социальные возможности.

Еще дальше З. Баумана в исследовании динамических свойств социального времени и его взаимосвязи с движением, мобильностью идет британский социолог Дж. Урри. Рассмотрение динамики социального времени в его работах дает возможность классифицировать типы и виды времени, изучить способы их взаимодействия и смены [20].

Дж. Урри, используя метафоры, выделяет кайрологическое (или жизненное) время, «ледниковое время», «часовое время» и «мгновенное время». Специфика его подхода заключается в том, что эти виды не просто сменяют друг друга, хотя такая форма динамики времени прослеживается им в истории общества. По мнению ученого, в современном мире эти виды сосуществуют, как бы наслаиваясь друг на друга. Доминирующим видом становится «мгновенное время», но в некоторых сферах жизни и в деятельности определенных социальных групп то в рудиментарной форме, то в качестве «острова» проявляется иной тип времени — часовое, ледниковое или кайрологическое.

«Мгновенное время» в социальных практиках проявляется в сиюминутности моды, чрезвычайно высокой скорости производства товаров и приобретении ими доступности, резком сокращении (до минут) времени для принятия решений. Мгновенными становятся контакты и отношения, передача информации, поминутный просмотр-переключение телевизионных каналов («видео-время»), изготовление и использование одноразовой посуды.

«Мгновенное время» — символ чрезвычайного ускорения социальных процессов. Технический прогресс позволил максимально увеличить скорость физического передвижения людей и вещей, тем самым производя эффект «сжатия пространства и времени». Впервые время стало измеряться не годами, часами, а мгновениями, восприятие которых иногда выходит далеко за рамки человеческого сознания.

Урри представляет время как нелинейное, выделяя особый его вид — синхронное. В нем события происходят не последовательно, а одновременно, возникают и разворачиваются по принципу голограммы. Идея «стрелы времени», символизировавшая прогресс и поступательное развитие, сменяется идеей «временного коллажа».

Парадоксальность социального времени эпохи постмодерна, описываемого Дж. Урри, состоит в том, что, с одной стороны, оно чрезвычайно динамично, с другой — это не динамика прогресса, то есть поступательного, поэтапного улучшения жизни. Динамика времени имеет особые направления и темпы в различных пространственных локализациях и у разных субъектов [20, с. 188]. Ее

влияние амбивалентно, и эта амбивалентность связывается с различными планами существования человека. С одной стороны, «мгновенное время», по Урри, формирует новые когнитивные, так называемые мультимедийные, навыки, которые открывают новые возможности. С другой стороны, фрагментарность и мгновенность времени входит в противоречие со многими традиционными практиками, требующими больше времени на раздумья, «созерцание», согласование. Это те практики, которые основаны на линейном представлении о времени. Деструктивное влияние фрагментарности временной картины мира в современном обществе проявляется в десинхронизации групповых и индивидуальных траекторий передвижения во времени и пространстве, разрушении чувства доверия, преданности и ответственности в отношениях между поколениями [20, с. 188].

Таким образом, мы видим, что проблема динамики социального времени присутствует во многих теориях и концепциях, возникающих в рамках различных социологических парадигм. В истории социологии, на наш взгляд, сложилось три взаимодополняющих подхода к пониманию сущности динамики социального времени. В рамках первого динамика социального времени рассматривается как изменение содержания и форм социальных явлений и процессов. В рамках второго подчеркиваются темпоральные характеристики социальных изменений (направленность, скорость, ритм). Динамика социального времени описывается понятиями процесса, развития, изменения, стадийности. Ее изучение заключается в определении общего хода социального движения, его темпа, ритма, направлений, форм, движущих сил и факторов. Третий подход характеризуется вниманием к динамическим характеристикам социального времени (его ускорение, «сжатие», режимы функционирования различных темпоральных систем и пр.). Все три подхода в сочетании позволяют описать многомерность и многоаспектность динамики социального времени как особого феномена. Логика развития социологических взглядов на исследуемую проблему связана с формированием ориентации на поливариантность и полинаправленность темпоральных процессов и явлений, их многоуровневый характер и чрезвычайную подвижность.

Свойства динамики социального времени

Понятие динамики социального времени несколько тавтологично поскольку социальное время уже само по себе означает изменение, движение и развитие. Оно по определению «не стоит на месте», обладая свойством «текучести». Тем не менее его введение и использование в качестве исследовательского инструмента позволяет, во-первых, подчеркнуть «подвижность» времени и, во-вторых, сравнить свойства социального времени различных обществ и культур.

Это понятие позволяет также объяснить те противоречия, которые возникают в развитии общества и культуры и в их взаимодействии.

Динамику социального времени можно рассматривать в широком смысле как свойство любого временного движения и изменения социокультурной реальности. В этом случае данное понятие охватывает явления, характерные для периода как стабильного функционирования социокультурной системы, так и последующих периодов нестабильности, неравновесности. При таком понимании понятие «работает» как интегративное, включающее в себя в обобщенном виде представления о ряде других свойств социального времени — темпе, скорости, ритме, размерах временных интервалов, направлении и масштабах изменений.

В узком понимании динамику социального времени можно трактовать как свойство не любого временного движения и изменения социокультурной реальности, а только такого, которое имеет высокую скорость, ярко выраженную направленность, целостность, определенную логику, тенденции и закономерности. В этом случае понятие динамики начинает отражать особые свойства социального времени, характерные для современного общества. К ним мы относим *напряженность времени*, то есть насыщенность временных периодов событиями, действиями, отношениями и взаимодействиями. По мнению В.А. Канке, «динамическая природа времени делает понятным тот факт, что различные формы времени соответствуют именно типам взаимодействий» [11, с. 88]. Кроме того, динамика социального времени отражает такие его свойства, как *мобильность и текучесть*.

В концепции мобильности Дж. Урри показывает, что свойствами движения, или мобильности, обладают все наиболее важные социальные феномены и сферы. Набирающая обороты мобилизация социальной жизни представляет собой способ проживания людей на Земле [21, с. 69], изменяющий пространственно-временные паттерны. В современных условиях само время становится мобильным, неустойчивым. Временные стандарты, регулирующие взаимодействие, постоянно, еженедельно и ежедневно десинхронизируются и вновь синхронизируются [21, с. 86]. Временные интервалы тех или иных видов деятельности постоянно сжимаются и расширяются. Мобильное и текучее время как бы пульсирует, дробится на время отдельных сфер жизни, ее подсистем, видов реальной физической и виртуальной мобильности. Эти временные континуумы, как в броуновском движении, сталкиваются между собой, порождая конфликты и изменения в своих носителях. Мобильное время трудно стабилизировать, поскольку нестабильны его носители — общество и культура, а также те среды, в которых они движутся и развиваются [21, с. 71]. Таким образом,

мобильность становится новым качеством социального времени современного общества.

Что касается текучести социального времени, то в описании этого свойства З. Бауман был не первым, хотя именно в его концепции текучесть приобретает характер конституирующего качества социального времени. Еще В.И. Вернадский в начале XX века писал, что пространство-время перестает быть неподвижным: «Оно становится неустойчивым, динамическим, текучим пространством... Если это реальное явление, мир нам вскрывается как неустойчивое, находящееся в несложившемся состоянии волнение. Мир взрывающийся, но, возможно, по аналогии с α -частицей вновь приходящий в равновесие» [5, с. 253–254].

Время общества и время культуры имеют различную динамику. Разнодинамичные социальные и культурные процессы, например более медленные изменения ценностного мира и стремительные изменения материальной сферы, описывал У. Огборн в своей концепции «культурного лага» [24]. В работах П. Сорокина также проводится идея разнодинамичности социальной и культурной систем, только он полагал, что, напротив, материальный прогресс происходит медленнее, чем развитие духовной культуры [17].

Если образно представить общество и культуру как два шестереночных колеса с зубчатой передачей, то можно визуализировать явление-«невидимку» — динамику социального времени: это взаимное движение двух механизмов с определенной скоростью, ритмом, направлением, механизмов, связанных различными «скрепами», которые согласуют между собой динамические процессы в той и другой системах. Ведущей, на наш взгляд, здесь является культура. С одной стороны, ее время собственным темпом, ритмом, направлением движения определяет характер и свойства времени общества. С другой стороны, такие динамические свойства времени культуры, как текучесть, мобильность, дифференцированность, делают социальное время общества чрезвычайно подвижным, изменчивым, нестабильным.

Нормальное функционирование общества возможно при условии синхронного развития с культурой, что обеспечивается различными механизмами темпорального сдерживания (например традициями) или ускорения (идеалами прогресса, инновационными моделями и установками). В культуре также формируются механизмы «двойного действия», например «социальные часы», предписывающие освоение тех или иных социальных статусов и ролей, видов деятельности в определенные возрастные периоды жизни [1; 2]. Такие механизмы «двойного действия» могут как стимулировать, так и сдерживать увеличение скорости социокультурных изменений, прежде всего на микроуровне.

Однако источником динамики времени общества служит не только культура. Темпоральные связи общества и культуры опосредованы влиянием ряда природных и социальных факторов. Достаточно вспомнить концепцию влияния природных факторов (солнечной активности и космических ритмов) А.Л. Чижевского и идею взаимосвязи биологических ритмов и этносферы Л.Н. Гумилева. Современные исследователи полагают, что тесная взаимосвязь общества не только с природной, но и исторической средой определяет пределы таких видов социальной динамики, как линейный прогресс и линейный регресс [15, с. 268]. Огромное значение для динамики социального времени имеют такие факторы, как технологический (научно-технические открытия) и демографический (различные виды миграции, изменение численности населения). Ситуация осложняется еще и тем, что время культуры и время общества сами по себе неоднородны, и эта неоднородность служит дополнительным источником, порождающим их динамику.

В результате разнодействия многообразных факторов динамика времени общества «расходится» с динамикой времени культуры. Время социальных изменений может стать менее или более напряженным, чем время культуры, и нарушить тем самым устойчивость темпоральных связей внутри социокультурной системы как на макро-, так и на микроуровне. Например, время повседневных взаимодействий членов одной семьи (совместных обедов, обмена новостями, домашней работы и досуга), поддерживаемое семейными традициями и ценностями, приходит в диссонанс с временной динамикой социальной жизни современного мегаполиса, определяемой технологическими и экономическими факторами. Вместе с тем особая временная динамика семейной жизни, ориентированная на традиции, устойчивость, воспроизводство и преемственность, позволяет семье самосохраняться и в определенной степени, за счет синхронизации, сохранять и общество.

Динамика социального времени выступает источником гетерогенности общества. Время, культура и общество становятся многослойными и многоуровневыми. Для жителей мегаполиса и обитателей маленького поселка она существенно различается. Социальное время представителей бизнес-среды по своей скорости, ритму, напряженности, мобильности кардинально отличается от времени занятых в промышленности или сельском хозяйстве. Такая многотемпоральность свидетельствует о неравновесном состоянии общества — его кризисе, переходе, становлении, изменении.

Периоды временного диссонанса общества и культуры характеризуются аномией — ценностно-нормативной дезориентацией, нарушениями социального порядка, всплеском девиантности. Интересно,

что понятие аномии сначала у Э. Дюркгейма [8], а затем более четко — у Р. Мертона [16] — это результат рассогласования элементов культурной и социальной систем. Данную трактовку можно дополнить темпоральным аспектом: это рассогласование культурной и социальной систем во времени, вызванное различиями в темпах и ритмах напряженности, мобильности социальных и культурных изменений.

Обширный массив знаний о социальном времени и разнообразие подходов к его исследованию позволяют описывать и анализировать его динамику не только как объективный феномен, но и как явление субъективного порядка. Единство объективного и субъективного в исследовании времени подготовлено сформировавшимися в социологии различными концепциями социального времени. Позитивизм, марксизм заложили основы понимания времени и его динамики как объективных феноменов; феноменология, символический интеракционизм, в свою очередь, определили их как субъективные в силу того, что они воспринимаются сознанием социального субъекта и им же конструируются.

Основанное на принципе единства объективного и субъективного исследование восприятия времени в его динамическом аспекте выводит нас на проблему социальных чувств, эмоций и ожиданий. Оно позволяет раскрыть особенности восприятия объективной динамики социального времени; темпоральные противоречия между обществом и культурой; внутренние противоречия времени культуры и времени общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амбарова П.А. Культурная вариативность «социальных часов». Начало жизненного пути // Известия УрГУ. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2011. № 2. С. 220–229.
2. Амбарова П.А. Культурная вариативность «социальных часов»: «серебряный возраст» или «возраст невидимки» // Известия УрГУ. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2011. № 4. С. 172–178.
3. Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. — 240 с.
4. Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М: Логос, 2003. — 368 с.
5. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. — 520 с.
6. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации / Пер. с англ. И. Тюриной. М.: Академический проект, 2003. — 528 с.
7. Давидович В.Е., Жданов Ю.А. Сущность культуры. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1979. — 260 с.
8. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Пер. с франц. А.Б. Гофмана; примеч. В.В. Сапова. М.: Канон, 1996. — 432 с.
9. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / Пер. с франц. А.Н. Ильинского; Под ред. В.А. Базарова. М.: Мысль, 1994. — 400 с.
10. Каган М.С. Философия культуры. СПб.: Петрополис, 1996. — 415 с.

11. Канке В.А. Формы времени. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. — 264 с.
12. Коган Л.Н. Размышления о книге Н.Н. Трубникова «Время человеческого бытия» (М.: Наука, 1987. — 255 с.) // Философские науки. 1988. № 10. С. 120–124.
13. Коган Л.Н. Социология культуры. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1992. — 120 с.
14. Конт О. Система позитивной политики // Западноевропейская социология XIX века / Под ред. В.И. Добренькова. М.: Издание Международного университета бизнеса и управления, 1996. С. 120–242.
15. Крапивенский С.Э. Социальная философия. Волгоград: Комитет по печати, 1996. — 352 с.
16. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / Пер. с англ. Е.Н. Егоровой и др.; Науч. ред. З.В. Каганова. М.: Хранитель, 2006. — 873 с.
17. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / Пер. с англ., вст. статья и комментарии В.В. Сапова. М.: Астрель, 2006. — 1176 с.
18. Сорокин П.А., Мертон Р.К. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа // Социологические исследования. 2004. № 4. С. 112–119.
19. Трубников Н.Н. Время человеческого бытия. М.: Наука, 1987. — 254 с.
20. Урри Дж. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI века / Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. — 336 с.
21. Урри Дж. Мобильности / Пер. с англ. А.В. Лазарева. М.: Практикс, 2012. — 576 с.
22. Bauman Z. Liquid Times. Living in an Age of Uncertainty. Cambridge: Polity Press, 2007. — 127 p.
23. Znaniecki F. Cultural Sciences: Their Origin and Development. Urbana, 1952.
24. Ogburn W. On Culture and Social Change. Chicago: University of Chicago Press, 1950.

Дата поступления 02.12.2013

P.A. AMBAROVA

Ambarova Polina Anatoljevna — Associate professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. **Phone:** +7 (904) 381-29-35.
Email: borges75@mail.ru

**THE DYNAMIC OF SOCIAL TIME:
EVOLUTION OF SOCIOLOGICAL VIEWS**

Abstract. The article presents a conceptual framework for analyzing the dynamics of social time. The purpose of this study was to justify the idea of the existence of temporal forms, methods and mechanisms of interaction between society and culture. The tasks of the research were: sociological examination of the evolution of ideas about the dynamics of social time, starting with the classical stage of history

of sociology to the modern stage of its development; expanding the concept of dynamics of social time, as well as determining its dynamic properties.

The main hypothesis is the understanding of social time as a mechanism linking society and culture, and social dynamics of time — as its properties, determining the character and features of this connection. The starting assumption was a radical change in the dynamic properties of time in the modern world, proving serious discrepancies between social time of society and social time of culture.

Methodological basis of the research are the principles of historical-sociological and temporal approaches to examine the nature of temporal relationships and temporal contradictions between society and culture, internal rules of development of social time and change its properties.

Keywords: the time of society, the time of culture, dynamic of social time, the evolution of sociological views on the dynamic of social time; mobility, fluidity, tension of social time.

REFERENCES

1. Ambarova P.A. Kulturnaja variativnost "socialnyh chasov". Nachalo zhiznennogo puti. Izvestija UrFU. Ser. 1. Problemy obrazovanija, nauki i kul'tury. 2011. № 2. S. 220–229.
2. Ambarova P.A. Kulturnaja variativnost "socialnyh chasov": "serebrjanyj vozrast" ili "vozrast nevidimki". Izvestija UrFU. Ser. 1. Problemy obrazovanija, nauki i kul'tury. 2011. № 4. S. 172–178.
3. Bauman Z. Tekuchaja sovremennost. St. Petersburg: Piter, 2008. — 240 s.
4. Vallerstajin I. Konec znakomogo mira. Sociologija XXI veka. Moscow: Logos, 2003. — 368 s.
5. Vernadskij V.I. Filosofskie mysli naturalista. Moscow: Nauka, 1988. — 520 s.
6. Giddens Je. Ustroenie obshhestva: Oчерk teorii strukturacii. Per. s angl. I. Tjurinnoj. Moscow: Akademicheskij proekt, 2003. — 528 s.
7. Davidovich V.E., Zhdanov Ju.A. Sushhnost' kul'tury. Rostov-na-Donu: Izd-vo Rostovskogo un-ta, 1979. — 260 s.
8. Djurkgejm Je. O razdelenii obshhestvennogo truda. Per. s franc. A.B. Gofmana; primech. V.V. Sapova. Moscow: Kanon, 1996. — 432 s.
9. Djurkgejm Je. Samoubijstvo: Sociologicheskij jetjud. Per. s franc. A.N. Ilinskogo; Pod red. V.A. Bazarova. Moscow: Mysl, 1994. — 400 s.
10. Kagan M.S. Filosofija kul'tury. St. Petersburg: Petropolis, 1996. — 415 s.
11. Kanke V.A. Formy vremeni. Moscow: Knizhnyj dom "LIBROKOM", 2011. — 264 s.
12. Kogan L.N. Razmyshlenija o knige N.N. Trubnikova "Vremja chelovecheskogo bytija" (M.: Nauka, 1987. — 255 s.). Filosofskie nauki. 1988. № 10. S. 120–124.
13. Kogan L.N. Sociologija kul'tury. Ekaterinburg: Izd-vo UrGU, 1992. — 120 s.
14. Kont O. Sistema pozitivnoj politiki. Zapadnoevropejskaja sociologija XIX veka. Pod red. V.I. Dobrenkova. Moscow: Izdanie Mezhdunarodnogo universiteta biznesa i upravlenija, 1996. S. 120–242.
15. Krapivenskij S.Je. Social'naja filosofija. Volgograd: Komitet po pečati, 1996. — 352 s.
16. Merton R. Socialnaja teorija i socialnaja struktura. Per. s angl. E.N. Egorovoj i dr.; Nauch. red. Z.V. Kaganova. Moscow: Hranitel, 2006. — 873 s.
17. Sorokin P.A. Socialnaja i kulturnaja dinamika. Per. s angl., vst. statja i kommentarii V.V. Sapova. Moscow: Astrel, 2006. — 1176 s.

18. Sorokin P.A., Merton R.K. Socialnoe vremja: opyt metodologicheskogo i funkcionalnogo analiza. Sociologicheskie issledovanija. 2004. № 4. S. 112–119.
19. Trubnikov N.N. Vremja chelovecheskogo bytija. Moscow: Nauka, 1987. — 254 s.
20. Urri Dzh. Sociologija za predelami obshhestv. Vidy mobilnosti dlja XXI veka. Per. s angl. D. Kralechkina. Moscow: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2012. — 336 s.
21. Urri Dzh. Mobilnosti. Per. s angl. A.V Lazareva. Moscow: Praxis, 2012. — 576 s.
22. Bauman Z. Liquid Times. Living in an Age of Uncertainty. Cambridge: Polity Press, 2007. — 127 p.
23. Znaniecki F. Cultural Sciences: Their Origin and Development. Urbana, 1952.
24. Ogburn W. On Culture and Social Change. Chicago: University of Chicago Press, 1950.

Received: 02.12.2013